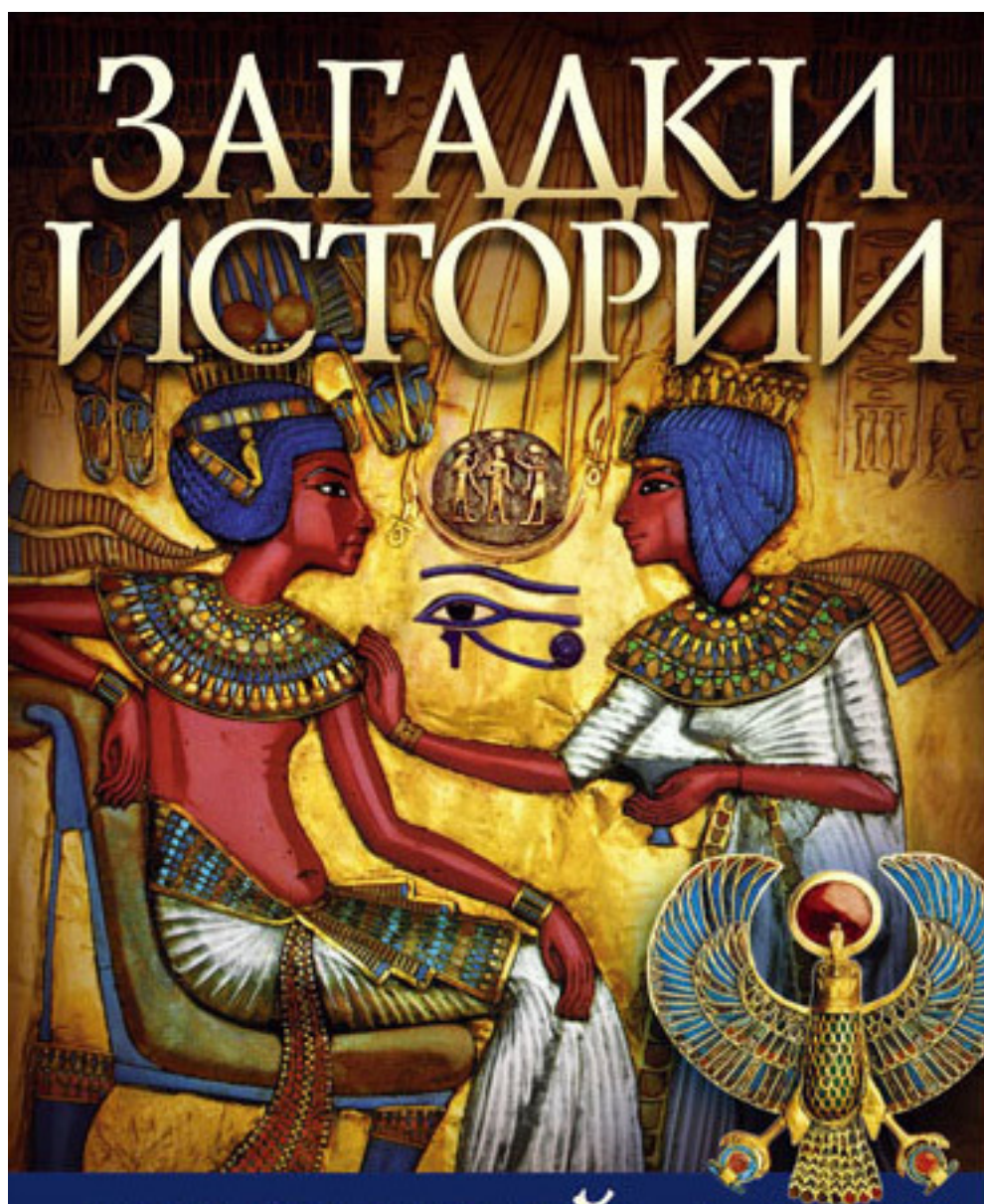

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ДРЕВНИЙ МИР

• ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП • ЦИВИЛИЗАЦИЯ ИНДА •
СОЛНЕЧНЫЙ КУЛЬТ • ПОГРЕБЕННЫЕ ЦАРСТВА КИТАЯ •
БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ • ОДИССЕЙ

 FOLIO

Загадки истории (Фолио)

Анна Ермановская

Древний мир

«ОМІКО»

2007

Ермановская А. Э.

Древний мир / А. Э. Ермановская — «ОМКО»,
2007 — (Загадки истории (Фолио))

Похоже, что человечество достигло такого уровня развития, что может ответить на любой вопрос, волновавший умы древних людей. То, что раньше не поддавалось никакому объяснению и считалось чудом, сегодня понятно даже дошкольнику. Но все же остались в истории вопросы без ответов. Вернее, ответы есть, но они диаметрально противоположны, и каждый из специалистов, мнением которых вы поинтересуетесь, выскажет свою точку зрения — на его взгляд, единственно верную. Так был Всемирный потоп или его не было? Существовала ли Атлантида? Была ли на самом деле Троянская война или это миф? Вопросы, вопросы, вопросы... В этой книге авторы пытаются разобраться в этих вопросах, проследить за ходом проводившихся исследований, проанализировать дошедшие до нас письменные свидетельства тех или иных событий. А может, это и хорошо, что в истории остаются загадки? Ведь всегда найдется тот, кто захочет их разгадать...

Содержание

Был ли всемирный потоп всемирным?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

А. Э. Ермановская

Древний мир

Был ли всемирный потоп всемирным?

Одна из самых известных историй и одновременно самых любопытных тайн древности – это, конечно, история Всемирного потопа. «Спустя семь дней воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; И лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей. И продолжалось на земле наводнение сорок дней, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею. И усилилась вода... и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод. И вода усилилась на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей¹ поднялась над ними вода, и покрылись горы. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле; и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, – все истребилось с земли, остался только Ной и что *было* с ним в ковчеге. Вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней. И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились. И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба. Вода же возвращалась с земли постепенно, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней. И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор». (Бытие, 7, 10–24; 8, 1–5).

Так рассказывает о Всемирном потопе Священная книга христиан и иудеев. Согласно Библии, причиной катастрофы был гнев Божий, обрушившийся на окончательно развратившееся человечество. История религии, мифоведение, фольклористика дают нам множество примеров того, как стихийные бедствия, вроде засухи, извержения вулкана, землетрясения, наводнения, трактовались как «кара Божья». Стало быть, речь идет о природном явлении, истолкованном создателями Библии в полном соответствии с их мировоззрением.

Причиной потопов были различные явления природы. Это и землетрясения, порождающие гигантские волны цунами, и весенние паводки, и ураганы, и штормы, нагоняющие воды моря в устья рек и на низменные берега, и проливные дожди, и прорывы плотин. Библейские «отворенные небесные окна», очевидно, ливневые дожди. Как понимать разверзшиеся «источники великой “бездны”» – вопрос спорный. Это могут быть и волны цунами, и нагнанные ураганом воды, и штормовая волна.

Об уровне воды при потопе Библия сообщает следующее: водой «покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом», причем вода над ними поднялась «на пятнадцать локтей», то есть 7,5–8 метров.

Масштаб этого бедствия поистине вселенский. Затоплению подверглась вся земля. Суша осталась только «на горах Араратских», где и остановился со своим ковчегом благочестивый Ной. Все известные катастрофы – сущий пустяк по сравнению с тем ужасным потопом, который обрушил разгневавшийся Бог на род человеческий. Ведь «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов и птиц небесных»! Погибли все, «остался только Ной и что с ним в ковчеге». А в ковчеге, помимо Ноя, были «сыновья его,

¹ Локоть — 45 см.

и жена его, и жены сынов его... и, из скотов чистых и из скотов нечистых, и из птиц, и из всех пресмыкающихся по земле» по одной паре.

Когда же случилась эта катастрофа? В Библии говорится, что потоп начался «в шестисотом году жизни Ноевой, во втором месяце, в семнадцатый день месяца». Как соотнести эту дату с той хронологией, которой пользуемся мы? Из Библии известна дата «сотворения мира», там приведена генеалогия различных персонажей и названы сроки их жизни.

И в Средние века, и в Новое время, и по сей день верующие христиане и иудеи, так же как и неверующие ученые, спорят о «точке отсчета», благодаря которой можно было бы сопоставить библейскую шкалу времени с современной. Поэтому мы имеем несколько разных датировок Всемирного потопа, о котором повествует Библия.

Некоторые авторы называют 2501 год до н. э. Другие, опираясь на хронологическую систему, разработанную английским архиепископом Ушером, датируют потоп 2349 годом до н. э. 3553 год до н. э. называет православный богослов, скрывшийся под псевдонимом Ф. Р. Согласно же выкладкам, опирающимся на хронологические данные греческого перевода Библии – Септуагинты («Семьдесят толковников»), Всемирный потоп имел место в 3213 году до н. э. Таким образом, разброс датировок, несмотря на то, что он довольно велик (от 3553 до 2349 года до н. э.), ограничивает время катастрофы IV–III тысячелетиями до н. э.

В позднейшие времена еврейская фантазия украсила легенду о потопе многими новыми деталями. В этих ярких и порой вычурных дополнениях к древней легенде мы читаем о том, как легко жилось человеку в допотопные времена, когда урожай от одного посева люди кормились сорок лет подряд и когда они могли колдовскими средствами заставить служить себе солнце и луну. Вместо девяти месяцев младенцы находились в утробе матери всего несколько дней и тотчас же после рождения начинали ходить и говорить, не боясь даже самого дьявола. Но вот эта-то привольная и роскошная жизнь и сбила людей с пути истинного, и вовлекла в грехи, более всего в грех алчности и распутства. Этим они вызвали гнев Бога, решившего истребить грешников посредством великого потопа. Однако в милосердии своем он сделал им своевременное предупреждение. Ной по велению Бога поучал их и зывал к исправлению, угрожая им потопом в наказание за бесчестие, причем делал он это в течение целых ста двадцати лет. Но и по прошествии этого времени Бог дал человечеству еще недельный срок, в продолжение которого солнце каждое утро всходило на западе и заходило каждый вечер на востоке. Но ничто не могло привести к раскаянию нечестивцев. Они не переставали издеваться над праведным Ноем, видя, что он строит себе ковчег. Как надо строить ковчег, его научила одна священная книга, которую некогда дал Адаму ангел Разнел и которая содержала в себе все знание человеческое и божественное. Она была сделана из сапфиров, и Ной, положив ее в золотой ларец, взял с собой в ковчег.

Потоп же якобы произошел от встречи мужских вод, падавших с неба, с женскими водами, поднимающимися от земли. Для стока верхних вод Бог сделал в небе два отверстия, сдвинув с места две звезды из созвездия Плеяды; а впоследствии, для того чтобы приостановить потоки дождя, Бог заткнул отверстия парой звезд из созвездия Большой Медведицы. Вот почему Медведица до сих пор гонится за Плеядами: она требует обратно своих детей, но не получит их до скончания веков.

Когда ковчег был уже готов, Ной стал собирать животных. Они подходили к нему в таком большом количестве, что он не мог забрать всех и сел у порога ковчега, чтобы сделать выбор между ними. Животных, которые ложились у порога, он брал с собой, а те, которые стояли на ногах, отвергались. Даже после такого строго проведенного отбора число видов пресмыкающихся, принятых на борт судна, оказалось не менее трехсот шестидесяти пяти, а видов птиц – тридцать два. Подсчет количества взятых в ковчег млекопитающих не был сделан, но во всяком случае оно было велико, как о том можно судить в настоящее время.

До потопа нечистых животных было гораздо больше, чем чистых, а после потопа соотношение стало обратным, потому что (согласно апокрифическим легендам, а не книге Бытия) от каждого вида чистых животных было взято в ковчег по семи пар, а от каждого вида нечистых – только по две пары. Одно существо, носившее название «реем», оказалось столь громадных размеров, что для него не нашлось места внутри, а потому оно было привязано Ноем к ковчегу снаружи. Великан Ог, царь Башанский, также не мог поместиться внутри судна и сел на крышу, спасшись таким образом от потопа. Вместе с Ноем расположились в ковчеге его жена Наама, дочь Эноша и три его сына со своими женами. Одна странная пара, Ложь и Злосчастье, также нашла себе убежище в ковчеге. Сначала Ложь подошла одна, но ее не пустили в ковчег на том основании, что вход туда был разрешен только супружеским парам. Тогда она ушла и, встретившись со Злосчастьем, уговорила его присоединиться к ней, после чего их пустили обоих. Когда все были уже на борту и потоп начался, грешники – около семисот тысяч человек – собрались и окружили ковчег, умоляя взять их с собой. Ной наотрез отказался впустить их. Тогда они принялись напирать на дверь, стараясь взломать ее, но дикие звери, охранявшие судно, напали на них и многих сожрали; остальные, спасшиеся от их когтей, потонули в поднявшейся воде.

Целый год плыл ковчег; огромные волны бросали его из стороны в сторону; все находившиеся внутри тряслись, как чечевица в горшке. Львы рычали, быки ревели, волки выли и все прочие животные вопили, каждое на свой манер. Больше всего хлопот доставлял Ною вопрос о съестных припасах. Спустя много времени после потопа его сын Сим рассказывал Елиезеру, слуге Авраама, как трудно было его отцу прокормить весь зверинец. Несчастный все время был на ногах, бегал взад и вперед днем и ночью. Ибо дневных животных надо было кормить днем, а ночных – ночью; великану же Огу пища подавалась через отверстие на крышу. Лев был угрюм и мог вспылить при малейшем раздражении. Однажды, когда Ной задержался с обедом, благородное животное с такой силой ударило лапой патриарха, что он остался с тех пор хромым на всю оставшуюся жизнь и даже не был в состоянии исполнять обязанности жреца.

В десятый день месяца таммуз Ной выпустил ворона посмотреть, не прекратился ли потоп. Но ворон нашел плавающий в воде труп и принялся его пожирать; увлекшись этим делом, он забыл вернуться к Ною с докладом. Спустя неделю Ной начал посылать на разведку голубя, который после третьего полета наконец вернулся, держа в клюве оливковый лист, сорванный им на Масличной горе в Иерусалиме, ибо святая земля была пощажена Богом. Вышедший из ковчега на берег Ной заплакал при виде всеобщего опустошения, причиненного потопом. Сим принес Богу благодарственную жертву за спасение.

Из другого рассказа можно почерпнуть некоторые интересные сведения о внутреннем устройстве ковчега и распределении пассажиров. Домашний скот и дикие звери помещались отдельно в трюме; средняя палуба была занята птицами, а на верхней палубе расположился Ной с семейством. Мужчины были отделены от женщин. Патриарх и его сыновья заняли восточную часть ковчега, а жена Ноя и его невестки – западную часть; между теми и другими в виде барьера лежало мертвое тело Адама, которое таким образом избежало гибели в водной стихии. Этот рассказ, в котором сообщаются еще и сведения о точных размерах ковчега в локтях, а также точный день недели и месяца, когда спасшиеся вышли на берег, взят из арабского манускрипта, найденного в библиотеке монастыря Св. Екатерины на горе Синай.

То, что библейское предание о Всемирном потопе не единственное в своем роде, было известно давно. Вавилонская легенда о великом потопе дошла до нас благодаря вавилонскому историку Беросу, который в первой половине III века до н. э. написал историю своей страны. Берос писал по-гречески, и хотя его труд до нас не дошел, некоторые фрагменты сохранились благодаря позднейшим греческим историкам. Среди этих фрагментов оказался рассказ о потопе. Долгое время он считался пересказом Библии.

Великий потоп произошел в царствование Ксисутруса, десятого царя Вавилонии. Бог Кронос явился к нему во сне и предупредил его о том, что все люди будут уничтожены потопом в пятнадцатый день месяца, который был восьмым месяцем по македонскому календарю. Учитывая грядущее бедствие, бог велел царю написать историю мира и закопать ее в Сиппаре, городе солнца. Кроме того, он велел ему построить корабль и сесть туда вместе со своими родственниками и друзьями, взять с собой запас пищи и питья, а также домашних птиц и четвероногих животных и, когда все будет готово, отплыть. На вопрос царя: «Куда же мне отплыть?» – бог ответил: «Ты поплывешь к богам, но до отплытия ты должен молиться о ниспослании добра людям». Царь послушался бога и построил корабль; длина корабля была пять стадий², а ширина – два стадия. Собрав все, что было нужно, и сложив в корабль, он посадил туда своих родственников и друзей. Когда вода стала убывать, Ксисутрус выпустил на волю несколько птиц. Но, не найдя себе нигде пищи и приюта, птицы вернулись на корабль. Через несколько дней Ксисутрус снова выпустил птиц, и они вернулись на корабль со следами глины на ногах. Выпущенные в третий раз, они не вернулись на корабль. Тогда Ксисутрус понял, что земля показалась из воды, раздвинул несколько досок в борту корабля, выглянул наружу и увидел берег. Он направил судно к суше и высадился на горе вместе со своей женой, дочерью и кормчим. Царь воздал почести земле, построил алтарь и принес жертву богам, а потом исчез вместе с теми, кто высадился с ним из корабля. Оставшиеся на корабле, увидев, что ни он, ни сопровождающие его люди не возвращаются, тоже высадились на берег и стали искать его, выкликая его имя, но нигде не могли найти Ксисутруса. Тогда раздался голос с неба, который приказал им чтить богов, призвавших к себе Ксисутруса за его благочестие и оказавших такую же милость его жене, дочери и кормчему. И еще велел им тот голос отправиться в Вавилон, разыскать спрятанное писание и распространить его среди людей. Голос также возвестил им, что страна, в которой они находятся, – Армения. Услышав все это, они принесли жертву богам и отправились пешком в Вавилон. Обломки же корабля, приставшего к горам Армении, существуют до сих пор, и многие люди снимают с них смолу для талисманов. Вернувшись в Вавилон, люди откопали в Сиппаре писание, построили много городов, восстановили святилища и вновь населили Вавилонию.

Таким образом, Берос первым упоминает о местонахождении ковчега после потопа. По словам греческого историка Николая Дамасского, современника и друга Августа и Ирода Великого, «в Армении находится большая гора, называемая Барис, на которой, как гласит предание, спаслось много людей, бежавших от потопа; говорят также, что какой-то человек, плывший в ковчеге, высадился на вершине этой горы и что деревянные остатки того судна сохранялись еще долгое время. Человек этот, вероятно, был тот самый, о котором упоминается у Моисея, законодателя иудеев». Еврейский историк Иосиф Флавий в своем труде «Иудейские древности» пишет, что многие приносили с Аарата частицы Ноева ковчега.

В Средние века свидетельствам Библии верили беспрекословно. Да и кто посмел бы усомниться в Священном Писании? Только еретик или язычник. Стало быть, сомнение в реальности Всемирного потопа есть ересь – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Эпоху Средневековья иногда необоснованно называют «темными веками». Наука в ту пору существовала, однако философы, математики, логики создавали свои труды в виде комментариев к Священному Писанию, пытаясь доказать его правоту с помощью своих исследований. Зачатки же многих наук о Земле – средневековые гидрография, геология, океанология – возникли как своеобразные «комментарии» к библейскому рассказу о Всемирном потопе.

На вершинах высоких гор находят морские раковины: разве это не доказательство того, что, как утверждает Библия, водой были покрыты «все высокие горы, какие есть под всем небом»? На долины Ломбардии, на поля Нидерландов, на города, стоящие в нижнем течении

² Стадий — 176,6 м.

Рейна, налетают страшные шквалы, наводнения, гигантские волны, уносящие сотни и тысячи жизней, разрушающие здания... Разве это не прямое доказательство тому, что гнев Божий может обрушиться на всю земную твердь? Если океан – это бездна и никому не удастся достичь его дна, значит, в этой бездне достаточно воды, чтобы покрыть ею всю землю вплоть до вершин высочайших гор.

В Новое время зачатки наук превращаются в настоящие науки о живой и неживой природе. Но библейские догматы довлеют над многими талантливыми и даже гениальными учеными (включая Ньютона и Кеплера). И Всемирный потоп, принятый как аксиома, не требующая доказательств, стал одним из краеугольных камней складывающихся наук о Земле: не факты должны были доказывать его реальность, а наоборот, «факт потоп» объяснял те или иные факты геологии, гидрологии, океанологии.

Даже в XVIII столетии, «веке Просвещения», первые геологи, закладывая фундамент этой увлекательной области естествознания, находились под сильнейшим влиянием «аксиомы потоп». Характерной фигурой являлся швейцарский ученый А. Шейхцер. Развивая мысли Леонардо да Винчи и других ученых о том, что окаменелости являются не «продуктом творчества природы» (как считали крупнейший ученый античности Аристотель, великий мудрец и ученый Средневековья Абу Али ибн Сина и многие другие авторитеты), а остатками живых организмов, Шейхцер трактовал их как вещественные доказательства Всемирного потоп.

Причем, по мысли Шейхцера, погибли не только сухопутные животные и люди, но и пресноводные рыбы. В Швейцарии, в Еннингенских каменоломнях, была найдена огромная окаменелая щука. Ей-то не лишенный поэтического дарования Шейхцер и дает слово в качестве представителя всего рыбьего царства в сочинении, названном «Жалобы и претензии рыб». Щука жалуется на несправедливость: рыбы тихи и молчаливы – и тем не менее «...мы были уничтожены за грехи людей во время потоп, а теперь нас даже не хотят считать тем, чем мы раньше были, а рассматривают как минеральные образования».

В тех же каменоломнях Шейхцер сделал сенсационное открытие: обнаружил «одного из тех нечестивцев-грешников, который был свидетелем потоп». Находку свою Шейхцер воспел в торжественной оде, посвященной «редкому памятнику проклятого Богом допотопного человека». Памятник сей «содержит несомненно половину или немного менее скелета человека», чья плоть и кости «вошли в камень». Тут «можно хорошо видеть очертания лобной кости, края глазничных впадин, отверстия, через которые проходил большой нерв пятой пары, остатки мозга, скуловую кость, следы носа, кусок жевательной мышцы, шестнадцать спинных позвонков и обрывки кожи». Шейхцер заключал свою оду моралью:

Истлевший прах бедняги-нечестивца,
Смягчи злодейства нынешних времен!

Вскоре крупнейший палеонтолог того времени француз Ж. Кювье, изучив находку Шейхцера, безошибочно определил ее как окаменелые останки гигантской саламандры, родственницы тех, что и по сей день обитают в Японии, и окрестил ее в честь первооткрывателя саламандру Андриас Шейхцери.

Впрочем, и сам Кювье отдал дань библейской «аксиоме потоп». По мнению этого ученого, справедливо называемого «отцом палеонтологии», земной шар периодически подвергается катастрофам, резко изменяющим его облик: меняется рельеф, меняются моря и горы, меняется животный и растительный мир. Последней такой катастрофой и был Всемирный потоп, о котором повествует Библия. «Поверхность земного шара была жертвой великого и внезапного переворота, давность которого не может быть значительно позже, чем пять-шесть тысяч лет; в результате этого переворота опустились и исчезли страны, населенные до того времени людьми и наиболее известными ныне видами животных; тот же переворот осушил дно

последнего моря и образовал страны, ныне обитаемые», – писал Кювье в своем «Рассуждении о переворотах на поверхности земного шара».

Другой великий земляк и современник Кювье натуралист Ж. Бюффон, прекрасно понимая, что масштабы потопа, описанного в Библии, не соответствуют данным науки, тактично разрешил противоречие между знанием и верой, заявив: «Всемирный потоп надо рассматривать как сверхъестественное средство, которым воспользовалось божественное всемогущество для кары людей, а не как естественное явление, в котором все произошло бы согласно законам физики».

В течение многих лет делались попытки доказать правоту Библии, повествующей о Всемирном потопе, с помощью фактов.

В 1800 году американец К. Рич опубликовал сообщение некоего Ага-Хусейна, который утверждал, что добрался до вершины Арарата и видел там остатки ковчега.

Экспедиции на Арарат начались с 1829 года. Первым из ученых здесь побывал Ф. Пэррот, профессор Дерптского университета. Две из его экспедиций так и не добрались до вершины, но в третий раз его усилия увенчались успехом. По возвращении он уверял, что сделал отметку на стенке ковчега. Тем не менее ему не удалось привести доказательства, свидетельствующие о находке.

В 1840 году один журналист из Константинополя объявил о том, что Ноев ковчег найден. Турецкая экспедиция, целью которой было изучение снежных покровов на горе Арарат, обнаружила выступавший из-под льда огромный деревянный остов некой конструкции, почти полностью почерневший. Жители селений в окрестностях Арарата в ответ на расспросы участников экспедиции говорили, что всегда знали о существовании этого деревянного остова, но не осмеливались подходить близко, так как в проеме верхней части конструкции якобы видели злого духа. Турецкая экспедиция, несмотря на значительные трудности, все-таки добралась до ковчега и убедилась, что он сохранился в хорошем состоянии, был поврежден только один борт.

Один из участников экспедиции рассказывал, что борта ковчега были сделаны из дерева, упомянутого в Священном Писании, которое растет, насколько известно, в долине реки Евфрат. Войдя в ковчег, участники экспедиции убедились, что это судно было предназначено для перевозки животных, так как внутри оно было разделено на отсеки высотой 15 футов (4,5 м). Турецкой экспедиции удалось проникнуть только в три из этих помещений, так как остальные были заполнены льдом.

В 1893 году архидиакон несторианской церкви доктор Нурри опубликовал заметку о том, что «лишь носовая часть ковчега и его корма могут быть доступны, а центральная часть скрыта под льдом». Ковчег был выстроен из тяжелых брусьев темного красновато-каштанового оттенка. Нурри, обмерив ковчег, обнаружил, что его результаты полностью совпадают с размерами, которые указаны в Священном Писании. Позже было создано общество, которое должно было финансировать вторую экспедицию доктора Нурри, имевшую целью доставить ковчег на Всемирную выставку в Чикаго. Этим планам, однако, не суждено было сбыться, так как правительство Турции не позволило вывезти ковчег за границу.

В августе 1916 года русский летчик Владимир Росковицкий, совершая разведывательный полет вдоль турецкой границы, оказался над Араратом и заметил замерзшее озеро на восточной стороне снежной вершины. Близ кромки озера можно было различить остов большого корабля. Хотя судно частично вмерзло в лед, его борта, в одном из которых были пробоины, оставались снаружи. Видна была, кроме того, половина одной из створок двустворчатой двери. Когда Росковицкий доложил о своей находке, его начальство захотело получить более точное подтверждение этих сведений. После многократных полетов над горой оно убедилось в наличии упомянутого предмета и послало сообщения в Москву и Петроград. Император Николай II повелел послать на Арарат экспедицию. Эта экспедиция обмерила и сфотографировала ковчег,

взяла образцы древесины, результаты исследований были отосланы в Петроград. Но собранные документы, по-видимому, были уничтожены во время революций.

История с Росковицким стала известна во время Второй мировой войны. Руководитель советских спецслужб якобы сообщил, что один из его подчиненных совершил полет над Араратом, движимый любопытством и желанием увидеть, есть ли хоть какая-то доля правды в утверждениях его предшественника и коллеги. Советский пилот тоже обратил внимание на некое сооружение, часть которого вмерзла в ледяное озеро.

6 июля 1955 года альпинист Фернан Наварра вместе со своим одиннадцатилетним сыном Рафаэлем обнаружил объект, который он посчитал Ноевым ковчегом. На подготовку экспедиции у Наварра ушло семнадцать лет. То обстоятельство, что гора Арарат находится на границе трех стран – Ирана, Турции и Советского Союза – и что между ними подписано соглашение, запрещавшее подъем на эту гору, оказалось серьезным препятствием для исследователя. Наварра втайне осуществил три попытки, пересекая опасную зону по ночам. Вот как проходила последняя из экспедиций, увенчавшаяся успехом: Наварра к ночи добрался до кромки ледников, следуя указаниям своего проводника-армянина, и поставил там палатку для ночевки, рассчитывая утром продолжить путь, пролежавший по совершенно обледенелым неприступным скалам. Ночью разразился страшный ураган, в результате чего все вокруг покрылось плотной ледяной коркой, и Фернан с Рафаэлем едва не замерзли, так как оказались под глубоким слоем снега при температуре 30 градусов ниже нуля. Утром, как рассказывал Наварра, ему удалось двинуться в путь к тому месту, которое он издали приметил во время одной из первых своих экспедиций. Однако время он выбрал неподходящее, все было занесено снегом и покрыто льдом. Несмотря на это, ему удалось добраться до цели. С превеликими трудностями, подвергаясь смертельной опасности, он добыл из-под льда кусок бруса длиной в 1 метр и толщиной 8 сантиметров, из которого были сделаны борта ковчега. В этом месте не было тесаных досок. Когда настало время возвращаться, Наварра был арестован пограничниками. В конце концов его все же отпустили на свободу, оставив ему все фотопленки и образец дерева. Проведенный в лабораториях Каира и Мадрида радиоуглеродный анализ древесины показал, что ее возраст составляет пять тысяч лет. Книга Наварра, вышедшая в свет на французском языке, проиллюстрирована снимками, на которых видно, как автор откалывает кусок древесины от борта ковчега, и на которых запечатлено место, где под льдом скрыт ковчег; в ней также представлены результаты лабораторных анализов, рисунки, схемы и тому подобное.

Было еще несколько попыток разыскать Ноев ковчег, предпринимавшихся историком-миссионером доктором А. Смитом из Гринсборо (в 1951 году), специалистом по Всемирному потоку, и французским исследователем Ж. де Рике, который совершил восхождение на вулканическую вершину в 1952 году. Эти попытки были безрезультатными.

В августе 1982 года появилось сообщение о том, что на поиски Ноева ковчега отправилась, пройдя через Турцию, американская экспедиция, в составе которой было одиннадцать человек. Членом этой научной экспедиции, на которую было израсходовано около 60 тысяч долларов, был даже бывший астронавт – американец Д. Эрвин, который в 1971 году совершил высадку на Луну в ходе космической экспедиции «Аполлон-12». В своем интервью Эрвин сказал, что наблюдения предыдущих экспедиций не оставляют никаких сомнений в том, что на вершине Арарата действительно есть некое таинственное судно. К этому американский астронавт добавил, что верит в то, что это судно – Ноев ковчег. И по сей день все еще предпринимаются попытки (одна из них была повторена, например, американцами в 1994 году) разыскать ковчег.

Впрочем, есть мнение, что для того, чтобы узнать правду о великом потоке, совсем не обязательно отправляться в далекие и опасные экспедиции. Ее можно найти на страницах самой Книги.

Библия говорит, что потоп продолжался «сорок дней», а вслед за тем утверждает, что «сто пятьдесят дней». Что это – описка или ошибка? Имеются разночтения и в сроках спада воды – то ли три недели, то ли около полугода. Есть и еще одно разночтение в рассказе о потопе: взял ли праведный Ной в свой ковчег по паре всех живых существ или нечистых взял по одной паре, а чистых – по семь? Естественно, что эти расхождения не могли быть не замечены.

Придворный хирург Людовика XIV Ж. Аструк, произведший, говоря словами Гете, хирургическую операцию над Библией, резонно предположил, что в Священной книге содержатся две различные версии, два противоположных варианта. Один из них может быть истинен, другой – ложен. Могут быть ложны оба варианта, но возможно и другое: речь идет о различных потопах, о событиях, происходивших в разное время, но затем слившихся в одно, – и тогда, стало быть, истинны обе версии.

Критики библейского текста единодушно признают, что в древнееврейской легенде о великом потопе, в том виде, как она изложена в книге Бытия, надо различать два первоначально самостоятельных рассказа; впоследствии эти два рассказа были искусственно объединены с целью придать им подобие некой единой и однородной легенды. Но работа по слиянию двух текстов в один сделана так небрежно, что встречающиеся там повторения и противоречия бросаются в глаза даже невнимательному читателю.

Из двух первоначальных версий легенды одна берет начало в Жреческом кодексе (Элохисте), а другая в так называемом Яхвисте. Каждому из источников свойствен особый характер и стиль, и оба относятся к различным историческим эпохам: яхвистский рассказ является, вероятно, более древним, тогда как Жреческий кодекс более поздний по времени. Яхвист был, по-видимому, написан в Иудее в начальный период существования еврейского государства, по всей вероятности, в IX или VIII веке до н. э. Жреческий кодекс появился в период, последовавший за 586 годом до н. э., когда Иерусалим завоевал вавилонский царь Навуходоносор, и евреи были уведены в плен. Но если автор Яхвиста обнаруживает живой, неподдельный интерес к личности и судьбе описываемых им людей, то автор Кодекса, наоборот, интересуется ими лишь постольку, поскольку видит в них орудие Божественного промысла, предназначенное для сообщения Израилю знаний о Боге и всех тех религиозных и социальных установлениях, которые по милости Бога должны были регулировать жизнь «избранного народа». Он пишет историю не столько светскую и гражданскую, сколько священную и церковную. История Израиля в Элохисте – скорее история церкви, нежели народа. Поэтому его авторы подробно останавливаются на жизнеописании патриархов и пророков, которых Бог удостоил своим откровением, и торопится пройти мимо ряда обыкновенных смертных, упоминая только их имена, точно они служат лишь звеньями, соединяющими одну религиозную эпоху с другой, или ниткой, на которую с редкими промежутками нанизаны драгоценные жемчужины откровения. Отношение Кодекса к историческому прошлому предопределяется современной его авторам политической обстановкой. Наивысший расцвет Израиля был уже в прошлом, его независимость утрачена, а с нею исчезли и надежды на мирское благоденствие и славу. Мечты о могуществе, вызванные в душе народа воспоминаниями о блестящих царствованиях Давида и Соломона, мечты, которые могли еще на время сохраниться даже после падения монархии, давно померкли в темных тучах наступившего заката нации под влиянием суровой действительности чужеземного владычества. И вот когда не нашлось выхода для светских амбиций, неугаемый идеализм народа нашел для себя выход в другом направлении. Мечты народа устремились в другую сторону. Если они не могли найти себе места на земле, то небо оставалось еще открыто для них. Вожди Израиля стремились утешить свой народ, вознаградить его за все унижения, выпавшие на его долю в жизни материальной, и поднять его на высшую ступень жизни духовной. Для этой цели они создали сложный религиозный ритуал, чтобы с его помощью присвоить себе всю Божественную благодать и сделать Сион святым городом, красой и центром царства Божия на земле. Подобные стремления и идеалы придавали общественной

жизни все более религиозный характер, выдвигая на первый план интересы храма и увеличивая жреческое влияние. Царь был заменен первосвященником, унаследовавшим от монарха даже пурпурные одежды и золотую корону.

Яхвист и Элохист, образовавшие вместе рассказ о великом потопе в книге Бытия, отличаются друг от друга как по форме, так и по содержанию. Из формальных отличительных признаков, состоящих в разном наборе слов того и другого источника, важнейшим является различное наименование божества в еврейском тексте: в Яхвисте оно неизменно называется Яхве, а в Жреческом кодексе – Элохим. В русском синодальном переводе Библии названия эти передаются соответственно словами «Господь» и «Бог». Замена еврейского Яхве словом «Господь» основана на подражании евреям, которые при чтении Писания вслух всегда заменяют священное слово «Яхве», где бы оно ни встречалось в тексте, словом «адонай», что значит «господин». Но в рассказе о потопе, да и вообще во всей книге Бытия автор Кодекса избегает называть Бога Яхве, заменяя его словом «Элохим», которое в еврейском языке служит для обозначения Бога, на том основании, что Божественное имя Яхве было впервые открыто Богом Моисею, а потому не может быть применимо к Богу до появления этого героя. Автор же Яхвиста не разделяет этого взгляда на происхождение имени Яхве и поэтому свободно применяет по отношению к божеству начиная с самого сотворения мира.

Еще более, чем словесные различия, бросаются в глаза различия в содержании яхвистского и жреческого рассказов, доходящие иногда до прямого противоречия, что является лучшим доказательством наличия разных источников легенды о потопе. Так, у автора Яхвиста различаются чистые и нечистые животные, причем первые вводятся в ковчег в количестве семи от каждого вида животных, а последние – лишь в количестве двух. Между тем, автор Кодекса не делает никакого различия между животными, но зато ограничивает число спасаемых в ковчеге животных одной парой от каждого вида. Объяснить это противоречие можно тем, что, по его представлению, различие между чистыми и нечистыми животными было впервые открыто Богом Моисею, так что Ной ничего об этом не мог знать; автор же Яхвиста наивно полагал, что человеческому роду уже в самые ранние времена было свойственно отличать чистых животных от нечистых, считая, что такое различие основано на очевидном для каждого естественном законе природы.

Другое серьезное разногласие между авторами относится к вопросу о продолжительности потопа. По яхвистскому рассказу, ливень продолжался сорок дней и сорок ночей, после этого Ной оставался в ковчеге еще три недели, пока не спала вода и не показалась земля. Таким образом, потоп продолжался всего шестьдесят один день. Из жреческого же источника явствует, что до спада воды прошло сто пятьдесят дней, а собственно потоп длился двенадцать месяцев и десять дней. Принимая во внимание, что у евреев был принят лунный календарь, двенадцать месяцев составляют триста пятьдесят четыре дня; прибавляя сюда еще десять дней, получаем солнечный год в триста шестьдесят четыре дня. Так как автор Кодекса определяет, таким образом, продолжительность потопа приблизительно в один солнечный год, то можно безошибочно утверждать, что он жил в то время, когда евреи уже научились исправлять ошибку лунного календаря, наблюдая за солнцем.

Источники обнаруживают расхождение в указании «механизма осуществления» потопа: по Яхвисту, единственной причиной катастрофы был ливень, а в Кодексе говорится, что вода хлынула одновременно с неба и из-под земли.

Наконец, автор Яхвиста заставляет Ноя строить алтарь, на котором он принес Богу жертву в благодарность за спасение от гибели во время потопа. В Кодексе же ничего не говорится об алтаре и жертвоприношении, без сомнения, потому, что по закону, которому автор остается верен, не может быть и речи о каком-либо алтаре вне Иерусалимского храма, и еще потому, что для Ноя, как для простого мирянина, было бы неслыханной дерзостью совершить

самому жертвоприношению и таким образом присвоить себе функции духовенства. А этого автор Жреческого кодекса никак не мог допустить со стороны столь уважаемого патриарха.

Итак, сравнение обоих рассказов дает основание утверждать, что первоначально тот и другой имели самостоятельное существование и что яхвистский рассказ был значительно старше жреческого. Автору его, очевидно, не был известен закон о едином святилище, запрещавший жертвоприношение везде, кроме Иерусалима, – этот закон был впервые ясно сформулирован и претворен в жизнь при царе Иосии в 621 году до н. э., следовательно, яхвистский текст был составлен раньше и, быть может, намного раньше этой даты. Жреческий текст появился спустя некоторое, вероятно, довольно долгое время после этой даты, так как его автор знает закон о едином святилище и не допускает мысли о нарушении его Ноем.

Библия сообщает точные размеры ковчега, в котором поместились Ной с семейством и «чистые и нечистые» пары животных: «длина ковчега 300 локтей, ширина его 50 локтей, а высота его 30 локтей». Ковчег имел три этажа. Так как величина древневосточного «локтя» хорошо известна – она составляет 45 сантиметров, совсем нетрудно вычислить «жилую площадь» судна Ноя. Помножьте 300 на 0,45 метра – и вы получите длину ковчега, равную 135 метрам. Ширина будет равна произведению 50 на 0,45 метра, то есть 22,5 метра, а площадь палубы – произведению 135 и 22,5, то есть около 3040 квадратных метров. Так как ковчег был трехпалубный, то 3040 нужно еще умножить на 3, и в итоге получаем «полезную площадь» ковчега – 9120 квадратных метров. Здесь разместился Ной, его супруга, сыновья и невестки. На борт было взято «по паре» всех живых существ, которые, так же, как и Ной с семейством, требовали места и запасов пищи минимум на сорок дней.

Сейчас количество видов млекопитающих на земном шаре считается равным около трем с половиной тысячам, а так как взято было по паре, получаем семь тысяч особей: львов и слонов, кроликов и волков, лисиц и гиен, бегемотов и горилл, буйволов и землероек и т. д. и т. п. На 9120 квадратных метрах им бы пришлось тесновато.

А ведь есть еще около двадцати тысяч видов птиц (и это число надо умножить на два, ибо взято было «всякой твари по паре»), около пяти тысяч видов пресмыкающихся и земноводных (вновь умножьте на два) и более миллиона видов насекомых! Очевидно, вся эта прыгающая, квакающая, рычащая, чирикающая, мяукающая, хрюкающая, мычащая, визжащая орава не могла бы разместиться в Ноевом ковчеге. Что уж тут говорить о запасах пищи для всех этих живых существ, среди которых были и травоядные, и хищные, и насекомоядные, и всеядные звери, птицы, гады, букашки...

Столь же неправдоподобным выглядит свидетельство Библии о том, что под водой скрылись вершины самых высоких гор, за исключением «гор Араратских». Во-первых, потому, что на земном шаре есть горы, в два раза превосходящие высоту красавца Арарата. Как они могли уйти под воду, если «горы Араратские» стали прибежищем для Ноя и его семейства? Во-вторых, никаких имеющихся запасов воды не хватило бы на то, чтобы покрыть нашу планету слоем воды высотой хотя бы в 200 метров – даже в том случае, если бы растаяли все льды Антарктики и Арктики, все ледники в горах и вся влага, содержащаяся в атмосфере, выпала бы в виде дождя.

Сторонники достоверности библейской легенды о потопе приводят в доказательство своей правоты тот факт, что сказания о катастрофических потопах встречаются у разных народов. Можно перечислить страны, в которых они имеют или имели место. В Азии: в Вавилонии, Палестине, Сирии, Фригии, в древней и современной Индии, в Бирме, на Малайском полуострове и на Камчатке. Интересно, что предания о потопе сосредоточены преимущественно в Южной Азии и практически отсутствуют в Восточной, Центральной и Северной Азии. В особенности замечательно то, что ни китайцы, ни японцы не сохранили в своей обширной и древней литературе ни одной народной легенды о таком всеобщем наводнении, от которого погибло все человечество или его значительная часть.

В Европе предания о потопе местного происхождения встречаются гораздо реже, чем в Азии; они были известны в Древней Греции. В Африке, включая Египет, легенды о великом потопе, видимо, отсутствуют.

Легенды о великом потопе ходят на островах Малайского архипелага, у туземных племен Филиппинских островов, у изолированно живших обитателей Андаманских островов в Бенгальском заливе. В Новой Гвинее и Австралии также существуют сказания о великом потопе; встречаются они также и на небольших островах Меланезии, образующих большую дугу, которая охватывает Новую Гвинею и Австралию с севера и востока. Еще далее к востоку предания о потопе широко распространены среди полинезийцев, составляющих население разбросанных в океане большей частью маленьких островов, от Гавайских на севере до Новой Зеландии на юге. В Микронезии легенда о потопе популярна на островах Палау.

Много преданий о потопе имеется в Южной, Центральной и Северной Америке, от Огненной Земли на юге до Аляски на севере, на обоих континентах от востока до запада; при этом они существуют не только среди индейских племен, но и среди эскимосов, от Аляски на западе до Гренландии на востоке.

Такова в общих чертах география распространения подобных легенд. Находятся ли они все в связи между собой или же возникли самостоятельно в различных частях земного шара? Раньше исследователи под влиянием библейской традиции склонны были отождествлять легенды о великом потопе, где бы таковые ни были обнаружены, с библейским преданием о Ноевом потопе, полагая, что все такие легенды являются более или менее испорченными версиями того единственного, достоверного и подлинного рассказа о великой катастрофе, который изложен в книге Бытия. Приведем в качестве примера древнеиндийскую легенду о потопе.

Никакого рассказа о великом наводнении мы не находим в Ведах, этом древнейшем литературном памятнике Индии, составленном, по-видимому, в конце II – начале I тысячелетия до н. э. Но в позднейшей санскритской литературе неоднократно встречаются различные версии сказания о потопе, причем каждая из них при общем сходстве сохраняет свои особенности. Древнейшее из известных нам преданий содержится в так называемом Саталатха Брахмана, прозаическом сочинении, посвященном вопросам священного ритуала и написанном, как полагают, незадолго до появления буддизма, то есть не позднее VI века до н. э.

«Утром принесли Ману воду для умывания, совершенно так же, как теперь ему всегда приносят воду для омовения рук. Когда он умывался, ему попала в руки рыба. Она сказала ему такое слово: «Взрасти меня, и я спасу тебя!» – «От чего ты спасешь меня?» – «Потоп снесет все земные создания; я спасу тебя от потопа!» – «Как же мне взрастить тебя?» Рыба ответила: «Пока мы малы, нам не миновать гибели: одна рыба пожирает другую. Сперва ты будешь держать меня в кувшине; когда я перерасту кувшин, ты выроешь колодец и там будешь держать меня. Когда я перерасту колодец, тыпустишь меня в море, ибо тогда мне уже нечего бояться гибели». Скоро рыба стала гхашей, а эта порода – самая крупная среди рыб. После этого она сказала: «В таком-то и таком-то году произойдет потоп. Ты должен тогда вспомнить обо мне и построить судно, а когда начнется потоп, взойди на него, и я спасу тебя от потопа». Взрастив рыбу так, как она просила, Ману пустил ее в море. И в том самом году, который предсказала рыба, он вспомнил ее совет и построил судно, а когда начался потоп, он взойшел на него. Тогда рыба подплыла к нему, и он привязал канат от своего судна к ее плавнику и таким образом скоро приплыл к той далекой горе, что на севере. Тут рыба сказала ему: «Я спасла тебя; привяжи теперь судно к дереву, но смотри, чтобы вода не снесла тебя, пока ты будешь оставаться на горе; когда же вода спадет, ты можешь понемногу спуститься вниз». И он понемногу спустился с горы. Вот почему тот склон северной горы называется «спуск Ману». Потопом были уничтожены все создания; один лишь Ману уцелел...

Желая иметь потомство, он стал вести благочестивую и строгую жизнь. Он также совершил жертвоприношение «пака»: стоя в воде, принес жертву из осветленного масла, кислого

молока, сыворотки и творога. От этого через год произошла женщина. Когда она стала совсем плотной, то поднялась на ноги, и, где она ни ступала, следы ее оставляли чистое масло. Митра и Варуна, повстречавшись с ней, спросили: «Кто ты такая?» – «Я дочь Ману», – отвечала она. «Скажи, что ты наша дочь», – сказали они. «Нет, – настаивала она, – я дочь того, кто произвел меня». Тогда они пожелали иметь в ней долю, но она, не сказав ни «да» ни «нет», прошла мимо. Она пришла к Ману, и он спросил ее: «Кто ты такая?» – «Твоя дочь», – отвечала она. «Как, ты, слава творения, ты – моя дочь?» – спросил он. «Да! – сказала она. – Теми жертвами из чистого масла, кислого молока, сыворотки и творога, которые ты принес в воде, ты произвел меня. Я – благодать; используй меня, когда будешь приносить жертвы. И если ты используешь меня, когда будешь приносить жертвы, то станешь богат потомством и скотом. Всякое благо, какое ты вздумаешь просить через меня, будет дано тебе». И вот он стал пользоваться ею во славу Бога в середине жертвоприношения, а середина жертвоприношения – это все, происходящее между вступительной и заключительной жертвой. Вместе с ней он продолжал вести благочестивую и строгую жизнь, желая иметь потомство. Через нее он произвел человеческий род, род Ману, и всякое благо, которое он просил через нее, было дано ему».

Очевидно, что эта легенда имеет мало общего с библейской. Утверждать, что подобные сказания являются переделками божественного оригинала, данного людям в Библии, тем более невозможно в настоящее время, когда доказано, что библейский оригинал на самом деле вовсе не оригинал, а сравнительно поздний пересказ гораздо более древней вавилонской или, правильнее, шумерской легенды.

Археологам суждено было извлечь из давно утерянных архивов Ассирии подлинную вавилонскую версию легенды. При раскопках Ниневии, составляющих славу и гордость XIX века и имеющих чрезвычайное значение для изучения истории Древнего мира, английским исследователям удалось обнаружить значительную часть библиотеки царя Ашшурбанипала, царствовавшего в 668–627 годах до н. э. Этот царь, наводивший ужас на многие народы вплоть до берегов Нила, украсил свою столицу великолепными сооружениями и собрал в ее стенах из ближних и дальних стран многочисленные тексты по истории, естествознанию, грамматике и религии для просвещения своего народа. Тексты эти, в значительной части заимствованные из вавилонских источников, представляют собой клинописные таблицы из мягкой глины, впоследствии обожженные и сложенные в библиотеке. Библиотека была, по-видимому, расположена в верхнем этаже дворца, который во время последнего разграбления города рухнул от пожара, причем большинство таблиц разбилось вдребезги. Сохранившиеся потрескались и опалены огнем пылавших развалин. Ситуацию усугубили кладоискатели, которые искали здесь для себя не научные сокровища, а настоящий золотой клад, чем немало содействовали еще большей разрозненности этих драгоценных памятников. В довершение всех бед богатая солями вода, каждую весну проникающая в почву, пропитывала таблицы. Соли кристаллизовались по линиям трещин, и по мере роста кристаллы расщепляли и без того разбитые таблицы на более мелкие фрагменты. Все же благодаря кропотливому труду Д. Смита, хранителя Британского музея, множество фрагментов было восстановлено.

Подростком Джордж Смит, выходец из семьи рабочего, был принят учеником в фирму, исполнявшую заказы на гравировку по меди. Прошло несколько лет, и фирма приняла заказ, резко отличавшийся от обычных: необходимо было выгравировать таблицы, прилагавшиеся к монографии известного английского востоковеда Генри Роулинсона, добившегося успеха в расшифровке клинописных знаков, оставленных жителями Двуречья, ассирийцами и вавилонянами. Смит, гравировавший значки, хранившие молчание на протяжении двадцати пяти столетий и понятные лишь считанным единицам ученых, заинтересовался причудливыми клиньями. Любопытный юноша стал с увлечением заниматься этой письменностью и вскоре достиг больших успехов в чтении «глиняных книг» Ассирии и Вавилонии.

В возрасте 21 года Смит стал реставратором в Британском музее. Основной его задачей было составлять из отдельных фрагментов, которые находят археологи в земле Междуречья, целые таблички, «страницы» глиняных книг. Естественно, что для этого надо уметь читать эти книги. И в этом деле Джорджу Смигу нет равных в мире.

Осенью 1872 года Смит был занят разбором табличек, обнаруженных при раскопках столицы Ассирии, «логова львов» – Ниневии. Впрочем, табличками назвать их было трудно. Это были груды обломков, перемешанные с землей и мусором, – все, что осталось от библиотеки могущественного царя Ассирии Ашшурбанипала, сожженной вместе с дворцом и всем городом Ниневией.

Разбирая очередной фрагмент, обломок таблички, покрытой клинописными знаками, Смит обнаружил на нем, к своему полному изумлению, такой текст:

У горы Ницир корабль остановился,
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться,
Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.

Древний текст, начертанный на странице глиняной книги, на табличке, возраст которой намного превосходил время создания Библии, говорил о потопе! Джордж Смит стал искать продолжение рассказа среди фрагментов, присланных ему с раскопок в Ниневии. Оказалось, что этот рассказ входит в поэму, повествующую о героических делах Гильгамеша.

В поисках бессмертия герой отправляется к старцу Утнапиштиму, единственному из рода человеческого, кто спасся во время Всемирного потопа. Утнапиштим говорит Гильгамешу:

Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну богов расскажу тебе я.
Шуруппак – город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата;
Этот город древен, близки к нему боги.
Задумало сердце богов великих потоп устроить...

Но тщетно искал Смит среди обломков табличек подробный рассказ старца Утнапиштима о потопе. Кроме приведенного выше фрагмента, в ящиках, присланных археологами, табличек с его продолжением не содержалось.

Между тем древние писцы утверждали, что повествование о делах Гильгамеша записано на двенадцати таблицах по триста строк в каждой – на одну таблицу по песне. Рассказ о потопе был на одиннадцатой таблице – но Смит держал в руках лишь ее обломки.

Тогда молодой ученый решился на рискованный шаг: он организовал экспедицию (ее финансировала газета «Дейли телеграф») на место раскопок, чтобы найти недостающие части одиннадцатой таблицы «Эпоса о Гильгамеше» (так стали называть ученые и литературоведы это древнейшее эпическое повествование о человеке, «все видавшем до края мира, познавшем моря, перешедшем горы», – этими словами начинается первая таблица-песня о деяниях Гильгамеша). Чтобы осуществить свой план, ему надо было совершить поездку в Месопота-

мию, отделенную от Лондона несколькими тысячами километров, и там, в многослойной толще гигантского холма, едва потревоженной предыдущими раскопками, отыскать несколько глиняных табличек, причем именно тех, которых ему не доставало. Это была задача, которую можно сравнить с поисками иголки в стоге сена. И снова произошло невероятное: ему действительно удалось найти недостающие фрагменты сказания. Он привез домой 384 таблички, в том числе и недостающую часть истории Утнапиштима, так взволновавшей его при первом чтении. Это была история потопа – не обычного наводнения, упоминание о котором можно найти в ранней мифологии чуть ли не всех народов, а совершенно определенного потопа, о котором впоследствии было рассказано в Библии, ведь судьба Утнапиштима была так похожа на судьбу Ноя!

Джорджу Смит удалось реставрировать знаменитую эпическую поэму о Гильгамеше в двенадцати песнях, вернее, таблицах. Это великое открытие было обнародовано Смитом на собрании Общества библейской археологии 3 декабря 1872 года.

По остроумной догадке Генри Роулинсона, двенадцать песен поэмы о Гильгамеше соответствуют двенадцати знакам зодиака, так что движение рассказа в поэме как бы следует за движением солнца в течение всех двенадцати месяцев года. Эта теория до некоторой степени оправдывается местом, какое занимает в поэме легенда о потопе, изложенная в одиннадцатой песне, потому что вавилонский одиннадцатый месяц приходился как раз на дождливый сезон, был посвящен богу ветров Рамману и назывался «проклятый месяц дождей».

Герой поэмы Гильгамеш потерял своего дорогого друга Энкиду, похищенного смертью, и сам тяжело заболел. Опечаленный происшедшим и в страхе перед грядущим, он решил разыскать своего предка Утнапиштима, сына Убара-Туту, и узнать от него, как смертный человек может обрести вечную жизнь.

Утнапиштим, думал он, наверное, знает этот секрет, так как сам стал подобен богам и живет теперь где-то далеко в блаженном бессмертии. Тяжелый и опасный путь пришлось совершить Гильгамешу, чтобы дойти до него. Он должен был перейти через гору, охраняемую двуполым скорпионом, там, где заходит солнце; он шел по темной и страшной дороге, где ни разу не ступала нога смертного; он переправился на лодке через обширное море, перебрался по узкому мосту через реку смерти и наконец предстал перед лицом Утнапиштима. Но когда Гильгамеш задал своему великому предку вопрос, как человеку достигнуть бессмертия, то получил неутешительный ответ: мудрец сказал ему, что для человека не существует бессмертия. Удивленный таким ответом со стороны того, кто некогда сам был человеком, а теперь сделался бессмертным, Гильгамеш, естественно, спросил своего высокочтимого родственника, каким образом ему удалось избежать общей участи. На этот вопрос Утнапиштим поведал следующий рассказ о великом потопе.

Утнапиштим сказал Гильгамешу: «Я хочу открыть тебе, о Гильгамеш, сокровенное слово; умысел богов я хочу поведать тебе. Ты знаешь город Шуруппак, что лежит на берегу Евфрата; это город старинный, и боги его внушили великим богам мысль послать на землю потоп. Там был отец богов Ану, их советник и воитель Энлиль, их вестник Ниниб, их властитель Эннуги. Бог мудрости Эа также сидел вместе с ними; он передал их слова тростниковой хижине, говоря: «О, тростниковая хижина, тростниковая хижина! О, стена, стена! О, слушай, тростниковая хижина! О, внимай, стена! О, человек из Шуруппака, сын Убара-Туту, ломай свой дом, построй корабль, оставь свои богатства, бойся своей гибели! Бросай своих богов, спасай свою жизнь, возьми с собою в корабль всякие семена жизни! А корабль, который ты соорудишь, должен быть хорошо соразмерен; его ширина и длина должны соответствовать друг другу, и ты его спустишь в открытое море». – «О, господин мой, я преклоняюсь пред твоим велением и исполню его. Но что я отвечу городу и народу и его старейшинам?» Эа открыл свои уста и так сказал мне, слуге своему: «Вот что ты ответишь им: так как Энлиль возненавидел меня, то я не могу больше оставаться в вашем городе и не могу преклонить голову на земле Энлиля; я должен спуститься в глубокое море и буду жить у господина моего Эа».

Утнапиштим послушался бога Эа, собрал лес и все, что было нужно для постройки судна, и на пятый день остов был готов. Он построил его в форме баржи, на которую поставил дом в сто двадцать локтей высотой, и разделил дом на шесть ярусов, а в каждом ярусе сделал девять комнат. Он сделал в нем отверстия для спуска воды, обмазал снаружи горной смолой и древесной смолой изнутри. Затем Утнапиштим велел принести масло, зарезал волов и ягнят, наполнил кувшины кунжутным вином, маслом и виноградным вином. Он созвал народ на пир, как в новогодний день; вино лилось рекой. Когда корабль был готов —

«Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял».

Бог-солнце Шамаш назначил время, объявив: «С наступлением вечера властитель тьмы пошлет разрушительный ливень; тогда войди в ковчег и запри за собой дверь». Пришел урочный час, и с наступлением вечера властитель тьмы послал разрушительный ливень. «Я видел начало бури, но дальше смотреть на нее побоялся. Я вошел в ковчег и запер за собою дверь. Кормчему корабля, а также Пузур-Амурри, мореходу, поручил я (плавучий) дворец и все, что в нем было. Когда стало рассветать, появилось на горизонте черное облако. Рамман гремел среди небес, а боги Мужати и Лугаль предшествовали ему. Подобно гонцам, шли они по горам и равнинам; Иррагал сорвал с корабля мачту. Явился Ниниб и разразился бурей. Боги Ануннаки вздымали кверху пылающие факелы, бросавшие яркий свет на землю. Смерч бога Раммана поднимался к небесам, и дневной свет потух во мраке». Весь день бушевала гроза, и воды вздулись до горных вершин. «Один не видел другого, люди не узнавали друг друга. Боги в небесах испугались потопа и пятились назад, карабкались по небосклону к обители Ану. Боги припадали к земле, как собаки, жались у стен. Иштар надрывалась от крика, как женщина в родовых муках; царица богов обливалась слезами и восклицала своим дивным голосом: «Да обратится в прах тот день, когда я в собрании богов накликала горе! Увы, это я накликала горе в собрании богов! Это я накликала смерть для уничтожения моих людей! Где они теперь — те, которых я призвала к жизни? Как рыбьей икрой, кишит ими море». Шесть дней и шесть ночей свирепствовал ветер; потоп и гроза опустошили землю. На седьмой день стихла гроза, и ливень, и буря, бушевавшая подобно вражескому войску. Море успокоилось, вода пошла на убыль; ураган и потоп прекратились. Посмотрел я на море: на нем лежала тишина, весь род человеческий превратился снова в глину. Там, где были поля, простиралось болото...»

Утнапиштим открыл окно, и дневной свет упал на его лицо. У него подкашивались ноги, он сел и заплакал; слезы катились по его щекам. Он смотрел на мир: везде было море. По прошествии двенадцати дней показался остров. Корабль приплыл к земле Низир; он сел на гору Низир, и гора не отпускала корабль. Прошел день, другой — гора Низир все не отпускала корабль. Прошел третий день, четвертый — гора Низир все не отпускала корабль. Прошел пятый день, шестой — гора Низир все не отпускала корабль. На седьмой день Утнапиштим выпустил голубя и дал ему улететь. Но голубь полетал немного и, не найдя нигде приюта, вернулся назад. Тогда Утнапиштим выпустил ласточку и дал ей улететь. Ласточка покружилась немного, но, не найдя нигде приюта, вернулась назад. Затем Утнапиштим выпустил ворона и дал ему улететь. Ворон улетел и увидел, что вода спала; он клевал пищу, пробирался по лужам, каркал, но назад не вернулся. Тогда Утнапиштим вывел всех из корабля и отпустил их на все четыре стороны. Он принес жертву и совершил возлияние на вершине горы. По семи в ряд он выставил жертвенные сосуды и собрал под ними в кучу тростник, кедровое и мир-

товое дерево. «Боги вдыхали запах, боги вдыхали благоухания. Боги, как мухи, собирались вокруг того, кто принес им жертву. Тут выступила вперед мать богов: «О вы, боги, собравшиеся здесь! Как верно то, что я не забуду этих лазоревых самоцветов, которые я ношу на шее, так же верно и то, что я буду помнить всегда эти дни и никогда их не забуду. Пусть все боги присутствуют при этом жертвоприношении, но пусть Энлиль не приходит, потому что он не размыслил, наслал потоп и обрек на гибель моих людей». Тогда подошел Энлиль и, увидев корабль, рассвирепел. Полный гнева против богов, он воскликнул: «Кто-то, я вижу, спас свою жизнь. Нет, ни один человек не останется в живых после всеобщего истребления». Тут Ниниб, вестник богов, открыл свои уста и сказал, обращаясь к воителю Энлилю: «Кто, как не Эа, мог сделать подобное дело? Ведь Эа знает все, что происходит на свете». Тогда Эа открыл свои уста и сказал, обращаясь к воителю Энлилю: «Ты, о воитель, – владыка богов, но ты не размыслил и наслал на землю потоп. На грешнике должен быть отомщен его грех, и на преступнике – его преступление. Не давай же воли своей руке, дабы не все люди погибли; пощади, дабы не все они исчезли с лица земли. Вместо потопа пусть бы лучше пришел лев и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел леопард и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел Голод и опустошил землю! Вместо потопа пусть бы лучше пришла богиня-чума и поразила человечество!» После этого Энлиль принял свое решение и вошел в ковчег. Он взял Утнапиштима за руку, вывел из корабля его вместе с женой и велел им стать на колени, а сам подошел к ним и благословил их: «До сих пор Утнапиштим был человеком, но отныне пусть Утнапиштим и жена его уподобятся богам и станут равными нам, пусть Утнапиштим живет далеко от земли, у устья рек». И тогда спасшегося предка Гильгамеша взяли и унесли далеко от земли, оставив жить «у устья рек».

Эта версия легенды о потопе написана на семитском языке Вавилонии и Ассирии. Но есть другая версия, отрывки которой найдены американцами при раскопках в Ниппуре. Она написана на шумерском языке, то есть на несемитском языке древнего народа, который, по-видимому, предшествовал семитам в Вавилонии и основал в нижней долине Евфрата свою собственную замечательную культуру. Город Ниппур, где была найдена эта шумерская легенда о потопе, был священным и, возможно, наиболее древним религиозным центром страны, и местный бог этого города Энлиль стоял во главе вавилонского пантеона. Судя по начертанию письма, текст таблички, на которой записана легенда, относится, вероятно, к 2100 году до н. э. Но сама легенда, надо полагать, гораздо древнее, потому что в конце третьего тысячелетия, когда был написан текст таблички, шумеры как отдельный народ уже перестали существовать, растворившись в семитском населении страны, и их язык уже стал мертвым языком, хотя древняя литература и содержащиеся в ней священные тексты служили еще предметом изучения и переписывались жрецами и писцами. В результате открытия шумерской версии легенды о потопе возникло предположение о том, что сама легенда ведет свое происхождение от времени, предшествовавшего занятию долины Евфрата семитами, которые, поселившись в новой стране, заимствовали легенду о потопе от своих предшественников – шумеров. Интересно отметить, что шумерская версия легенды о потопе служит продолжением рассказа, к сожалению, весьма отрывочного, о сотворении человека. Согласно этому рассказу, люди были созданы богами раньше животных. Таким образом, шумерская легенда сходится с библейским рассказом в книге Бытия, поскольку и здесь и там сотворение человека и великий потоп трактуются как два тесно связанных между собой события первоначальной истории мира. При этом шумерское сказание совпадает не с жреческим, а с хвистским источником, изображая такую последовательность событий, при которой сотворение человека предшествовало сотворению животных.

Героем этой легенды был Зиусудра – царь и жрец бога Энки – шумерского божества, соответствующего семитскому Эа. Изю дня в день он служил богу, смиренно повергаясь ниц перед ним и исполняя у алтаря установленные обряды. В награду за такое благочестие Энки

сообщает ему, что по требованию Энлиля на совете богов решено истребить человеческий род посредством ливня и бури. Прежде чем сделать святому человеку это своевременное предупреждение, божественный друг просит его отойти к стене, говоря: «Стань у стены слева от меня, и у стены я скажу тебе слово». Эти слова находятся в очевидной связи с тем странным местом в семитской версии легенды, где Эа начинает свое предупреждение Утнапиштиму в таких выражениях: «О, тростниковая хижина, тростниковая хижина! О, стена, стена! О, слушай, тростниковая хижина! О, внимай, стена!» Два похожих места в обеих версиях легенды заставляют предположить, что доброжелательный бог, не желая прямо сообщить смертному человеку тайное решение богов, прибегает к уловке и шепотом доверяет тайну стене, по другую сторону которой он предварительно поставил Зиусудру. Таким образом праведный человек подслушал чужой разговор и узнал роковую тайну, тогда как его божественный покровитель имел возможность впоследствии утверждать, что он не открыл человеку умысла богов. Эта уловка приводит на память известную древнегреческую легенду о том, как слуга царя Мидаса открыл, что у его господина ослиные уши, и, не будучи в состоянии удержаться, чтобы не выболтать кому-нибудь этой тайны, шепотом рассказал ее пещере и засыпал пещеру землей, но на этом месте вырос тростник, и шелест его листьев, волнуемых ветром, разнес по всему свету секрет об уродстве царя. Та часть таблицы, в которой, вероятно, содержалось описание того, как строился ковчег и как сел в него Зиусудра, потеряна, а сохранившаяся часть сразу захлестывает нас волнами потопа:

Все бури с небывалой силой разбушевались одновременно.
И в тот же миг потоп залил главные святилища.
Семь дней и семь ночей потоп заливал землю,
И огромный корабль ветры носили по бурным водам.
Потом вышел Уту, тот, кто дает свет небесам и земле.
Тогда Зиусудра открыл окно на своем огромном корабле,
И Уту, герой, проник своими лучами в огромный корабль.

Когда свет солнца засиял над ковчегом, Зиусудра пал ниц перед богом-солнцем и принес в жертву вола и овцу. Здесь опять пробел в тексте, а вслед за тем мы читаем, что царь Зиусудра пал ниц перед богами Ану и Энлилем. Гнев Энлиля против людей теперь как будто смягчился, как можно понять из его слов, относящихся к Зиусудре: «Жизнь, подобную жизни бога, я дарую ему». И дальше: «Вечную душу, подобную душе бога, я сотворю для него». Это значит, что герой легенды о потопе обрел дар бессмертия или даже превратился в бога. Дальше ему преподносится титул «Хранителя семени человеческого рода» и отводится обитель на горе. Конец легенды нам неизвестен.

После открытия «Эпоса о Гильгамеше» стало ясно, что история потопа, изложенная в Библии, является лишь пересказом более древней легенды, созданной в Междуречье. Джордж Смит извлек одиннадцатую песню эпоса из 20 тысяч табличек, составлявших библиотеку повелителя Ассирии Ашшурбанипала. Ассирийцы заимствовали рассказ о Гильгамеше у более древних жителей долины Тигра и Евфрата – вавилонян. В XX столетии в земле Двуречья были открыты памятники еще более древнего народа – шумеров. Чем больше изучали ученые шумерскую культуру, мифологию, литературу, тем яснее им становилось, что Библия обязана шумерам целым рядом своих сюжетов.

Библия говорит о первозданном океане. По древнейшим представлениям шумеров, такой океан также существовал перед сотворением мира. И по Библии, и по шумерской космогонии, этот океан разделен на небесный свод и плоскую землю, отделенные друг от друга воздухом – вечно движущейся, всепроникающей «атмосферой», из которой были созданы небесные светила: Солнце, Луна, планеты, звезды. Потом – последовательность изложения событий в

шумерских мифах и в Библии одна и та же – появились растения, животные и человек. И по Библии, и по шумерским преданиям, материалом для создания первого человека послужила глина.

Ева, как утверждает Библия, сотворена из «ребра Адамова»... Почему из ребра? Над этим вопросом долго бились и теологи, и историки религий. Но когда стал известен шумерский миф о боге Энки и богине Нинхурсаг, стало ясно, что здесь мы имеем дело, говоря словами одного из востоковедов, с «одной из первых в истории литературных ошибок». В шумерском языке слово «ти» означает и «ребро», и «давать жизнь». Поэтому богиня, созданная для того, чтобы исцелить боль в ребре повелителя вод шумерского бога Энки, носила имя Нинти, что означало и «госпожа ребра», и «госпожа, дающая жизнь». Согласно же Библии имя Ева означает «Та, что дает жизнь», а создана Ева из ребра Адама (хотя по-древнееврейски слова «дающая жизнь» и «ребро» звучат по-разному).

Разумеется, шумеры не могли оказать прямого влияния на древнееврейскую литературу, потому что сами исчезли задолго до того, как появились евреи. Однако нет никаких сомнений в том, что шумеры многое дали хананеям, непосредственным предшественникам евреев в стране, которая позже стала называться Палестиной, а также соседним народам – ассирийцам, вавилонянам, хеттам, хурритам и арамеям.

Очевидно, что богобоязненный царь Зиусудра, бессмертный старец Утнапиштим и благочестивый патриарх Ной – одно и то же лицо, лишь по-разному названное шумерами, вавилонянами и авторами Библии. И столь же очевидно, что библейская история потопа восходит к шумерской мифологии, создававшейся за несколько тысяч лет до того, как была написана Священная книга иудеев и христиан. Творцы Библии жили в стране, не знавшей ни губительных ураганов, ни грандиозных наводнений, ни мощных разливов рек. Всем этим стихийным бедствиям подвергалась земля Месопотамии, страна шумеров. Быть может, рассказ о потопе – не библейский, а шумерский – отражает реальное событие, произошедшее за много тысяч лет до нашей эры? Тем более что потоп упоминается не только в поэтическо-религиозных произведениях шумеров, но и в их хронологических таблицах, в списках легендарных царей. Причем история Шумера делилась на два периода: период правления царей «до потопа» и правления царей «после потопа».

В конце III тысячелетия до н. э. шумерские жрецы составили список, подобный нашим хронологическим таблицам из учебников истории. Список начинался именами восьми царей, правивших Шумером. Два первых царя правили в городе Эриду, следующие три – в городе Бадтибира, затем правили в городах Ларак и Сиппар, последним перед потопом правил царь города Шуруппак. «Всего 8 царей, 5 городов... – говорит список. – Затем был потоп. После него была вновь ниспослана свыше царская власть». В этом списке приведены имена царей, правивших невероятно длительное время: Энмелуанн из Бадтибиры, который сидел на троне 432 000 лет, Алалгар, царствовавший 36 000 лет, и другие. Восемь царей правили в общей сложности 241 200 лет! Далее идет перечень «царей после потопа», начинающийся с «первой династии Киша», после нее приводятся имена и годы правления многочисленных династий различных городов-государств Шумера – Урука, Ура, Лагаша и т. д. После потопа, как видно, богоподобные шумерские цари умирали более молодыми, но все же Этана, царь города Киш, первым объединивший страну, правил 1560 лет, Агга – 625, Гильгамеш – 126 лет.

Первоначально достоверность списка царей, особенно его начала, вызывала у историков большое сомнение. По мере того как шли раскопки в земле Двуречья, археологам и шумерологам удавалось отождествить того или иного царя из списка с реальной личностью правителя какого-либо города Шумера. Разумеется, фантастически длинные сроки правления первых царей Шумера не соответствуют действительности, так же как и годы жизни библейских патриархов, включая праведного Ноя, «на шестисотом году жизни» которого произошел Все-

мирный потоп. Но столь же несомненно, что деление истории Шумера на эпоху «до потопа» и эпоху «после потопа» далеко не случайно.

Это подтверждает не только «список царей», но и другие шумерские источники. В одном из них говорится о том, что потоп все уничтожил. «После потопа, который уничтожил все, царская власть вновь спустилась с небес и город Киш стал местом правления царей» («до потопа» царская власть впервые «спустилась с небес» в город Эриду).

В другой табличке, найденной в городе Лагаш и посвященной истории Шумера от «начальных времен» до правления царя Гудеа (личности реальной, чей скульптурный портрет относится к одному из лучших образцов шумерского искусства), говорится о потопе, который «все смыл», «разрушил земли» и причинил человечеству беды, хотя «семя человеческое было спасено». Вероятно, в сознании людей той далекой эпохи в сказание о «Всемирном потопе» трансформировалось какое-то реальное событие.

Доказательство того факта, что землю Междуречья 5000–6000 лет назад действительно постигло стихийное бедствие, что оно носило характер катастрофы и его можно назвать «потопом», хотя и не Всемирным, снова предоставила археология.

Английский археолог Леонард Вулли на протяжении двенадцати зимних сезонов, с 1922 по 1934 год, вел систематические раскопки на юге Ирака в Уре – одном из древнейших городов мира. В 1929 году он завершил раскопки царского кладбища. Сокровища, найденные в могилах, убедили Вулли в том, что следует копать еще глубже, чтобы найти истоки шумерской культуры. Для начала стали работать в маленькой квадратной шахте площадью полтора на полтора метра.

«Мы углубились в нижний слой, состоявший из обычной, столь характерной для населенных пунктов смеси мусора, распавшихся необожженных кирпичей, золы и черепков. Примерно в таком же мусоре располагались и гробницы, – рассказывает Вулли в своей книге «Ур халдеев», – на глубине около метра внезапно все исчезло: не было больше ни черепков, ни золы, а одни только чистые речные отложения.

Араб-землекоп со дна шахты сказал мне, что добрался до чистого слоя почвы, где уже ничего не найдено, и хотел перейти на другой участок. Я спустился вниз, осмотрел дно шахты и убедился в его правоте, но затем сделал замеры и обнаружил, что «чистая почва» находится совсем не на той глубине, где ей полагалось бы быть... Поэтому я приказал землекопу спуститься вниз и продолжать работу. Араб неохотно начал углублять шахту, выбрасывая на поверхность чистую землю, в которой не было никаких следов человеческой деятельности. Так он прошел еще два с половиной метра, и вдруг появились кремневые осколки и черепки расписной посуды».

Вулли вновь спустился в шахту, осмотрел ее, а затем вызвал других участников экспедиции, изложив им суть дела. Они были озадачены: почему вслед за «чистым» слоем, не сохранившим никаких следов деятельности человека, вдруг вновь появляется культурный слой, свидетельствующий, что здесь жили люди?

«Подошла моя жена, и я обратился к ней с тем же вопросом. «Ну, конечно, здесь был потоп!» – ответила она, не задумываясь. И это был правильный ответ, – пишет Вулли, – однако вряд ли уместно говорить о Всемирном потопе, ссылаясь на единственную шахту площадью в какой-то квадратный метр. Поэтому в следующий сезон площадь раскопа была увеличена. В конечном итоге котлован площадью двадцать три метра на восемнадцать достиг глубины девятнадцати метров».

Вулли пришел к выводу, что «потоп действительно был, и нет никакой нужды доказывать, что именно об этом потопе идет речь в списке царей, в шумерской легенде, а следовательно, и в Ветхом Завете. Разумеется, это отнюдь не означает, что все подробности легенды достоверны. В основе ее лежит исторический факт, однако поэты и моралисты излагают историю потопа каждый на свой лад. Вариаций много, но суть остается неизменной. В Библии говорится, что

вода поднялась на восемь метров. По-видимому, так оно и было. Шумерская легенда рассказывает, что люди до потопа жили в тростниковых хижинах. Мы нашли эти хижины в Уре и в Эль-Обейде. Ной построил свой ковчег из легкого дерева, а затем просмолил его битумом. Как раз в самом верхнем слое наносов мы нашли большой ком битума со следами корзины, в которой он хранился. Я сам видел, как природный битум из месторождений Хита в среднем течении Евфрата грузят в такие корзины и отправляют вниз по реке».

Разумеется, говорит Вулли, это был не Всемирный потоп, а всего лишь наводнение, затопившее населенные районы между горами и пустыней в долине Тигра и Евфрата. Но для тех, кто в этой долине жил, она была целым миром. «Большая часть обитателей долины, вероятно, погибла, и лишь немногие пораженные ужасом жители городов дожили до того дня, когда бушующие воды начали наконец отступать от городских стен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они увидели в этом бедствии божью кару согрешившему поколению и так описали его в религиозной поэме. И если при этом какому-то семейству удалось на лодке спастись от наводнившего низменность потопа, его главу, естественно, начали воспевать как легендарного героя».

Кем же были люди, пережившие потоп? Были ли они шумерами? Леонард Вулли, проводя раскопки Ура, обнаружил, что классической культуре шумеров предшествовала другая, более древняя.

Эта культура была обнаружена экспедицией Британского музея 1918–1919 годов под руководством молодого ассириолога Р. Холла. По холму, где впервые были найдены ее следы, эта культура стала именоваться «Эль-Обейдской», или «Эль-Убейдской». Холл раскопал здесь часть древнейшего в Месопотамии храма, относящегося к середине III тысячелетия до н. э. Святилище стояло на искусственно сооруженной террасе, которая, в свою очередь, покоилась на стенах из обожженного кирпича. Наверх вела лестница из известняка. По обеим ее сторонам стояли изваяния львиных голов в натуральную величину, сделанные из битума и покрытые медью. Широко открытые глаза из красной яшмы, белого ракушечника, зеленого стеатита и красный высунутый язык производили жуткое впечатление. Над входом в храм некогда помещался большой рельеф, изображавший орла с головой льва, держащего в когтях двух оленей. На внешней поверхности алтаря находился знак планеты Венеры – символ богини Инанны, «владычицы небесных высот». Несмотря на поразительные находки, раскопки были остановлены – средств на их дальнейшее проведение не хватило. К Эль-Убейдской культуре через несколько лет вернулся Леонард Вулли.

«До сих пор неясно, можно ли называть людей периода Эль-Убейда шумерами. Но одно совершенно очевидно: созданная ими культура не была бесплодной, она пережила потоп и сыграла немалую роль в развитии шумерской цивилизации, позднее достигшей пышного расцвета. Среди прочих ценностей они передали шумерам и легенду о Всемирном потопе. Это не вызывает сомнений, так как именно они пережили это бедствие и никто другой не мог бы создать подобной легенды», – так писал Вулли, подводя итоги своим раскопкам в Уре. В настоящее время можно с большой долей уверенности сказать, что люди, пережившие потоп, создатели культуры Убейда, шумерами не были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.